

историям. Еженедельники, которые во многом изменились, тоже почти не печатают новелл, литература отступила под натиском другого рода материалов: политических, социологических, иллюстративных и т. д. Литературных журналов типа «Эроп» сейчас гораздо меньше, чем было прежде. А исчезновение новеллы из прессы привело к тому, что и издательства стали меньше публиковать сборники новелл. На мой взгляд, речь идет скорее не об утрате вкуса к короткой истории, а об утрате привычки: новеллы реже читают, ибо их меньше издают. А это, в свою очередь, не побуждает и писателей к сочинению новелл.

Однако именно в этом жанре созданы у нас образцы, которыми мы с давних пор можем гордиться. Произведения, собранные в двух томах, вышедших на русском языке, отражают то единство и разнообразие, которые присущи французской новелле. Общее и, я бы сказал, неизменное — это строгость и лаконичность. Разнообразие: каждая из новелл очень характерна для ее автора. В ней сконцентрировалось все, что типично для писателя: тонкая ироничность Анатolia Франса или теплота Коlette, деревенская сочность Перго или сумрачное мастерство Мальро — перед нами раскрывается целый веер французской новеллы. И еще одно ее качество я мог бы назвать — это достоинство, не утраченное и по сей день. В ней всегда идет речь о человеке, его чести, его истинной сущности. Насмешливая, ироничная, избочливающая и в то же время экспрессивная, французская новелла несет в себе и нравственное начало.

Какие похвалы жанру, скажете вы, который умирает, хотя им могла бы гордиться страна Мопассана. Но недостаточно даже самых высоких качеств, богатого прошлого и неисчерпаемых возможностей, если отсутствуют необходимые материальные условия. И было бы крайне обидно, если бы Франция, страна Вольтера, Мопассана, Флобера, Шарля Луи Филиппа, забыла столь изумительное и столь действенное искусство. Вот почему в последнее время предпринимаются некоторые попытки возродить и само искусство новеллы, и обычай ее читать — то есть вернуть ей место, которое она заслуживает. Гонимая Академией учредила стипендии новеллистам. Провинциальные газеты пытаются вновь возобновить регулярную публикацию новелл. А издатели начинают понемногу выпускать сборники рассказов. Новелла не вернула себе пока прежней популярности. И не пользуется у нас таким успехом, как в Советском Союзе и в других странах. Но постепенно она снова завоевывает прежние позиции.

Два тома новелл, лежащие передо мной, необычайно ценны не только потому, что являют собой глубокое исследование в области французской новеллы, увлекательный материал для чтения и реально воплощают этот вид искусства. Читая эти книги, как мне кажется, можно совершить путешествие не только по произведениям фран-

цузских рассказчиков, но и по земле Франции, ее провинциям, изучить нравы и обычаи моей страны. Одновременно это может быть и путешествием по современной истории Франции, проникновением в ее заботы, горести, ее надежды, чаяния и победы. И путешествие это не будет отвлеченным, оно будет вполне конкретным: под небом нашей страны, среди мужчин и женщин, населяющих нашу землю. И вы увидите, что у каждого из них свое лицо и ни на кого не похожий голос.

Эти два тома могут оказать помощь и нам: они позволяют познать принадлежащие нам богатства. Зачастую друзья помогают нам обрести самих себя. Это как раз такой случай. И если французская новелла возрождается во всей полноте своих возможностей, а она возродится — я убежден, так как она никогда не умирала, — то это произойдет и благодаря большим друзьям французской культуры.

ПЬЕР ГАМАРРА

ОБЪЕДИНЯЕТ ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА...

Павел Антокольский. Два века поэзии Франции. Переводы. Москва, «Художественная литература», 1976.

По-прежнему спорным остается вопрос: если поэт или прозаик много переводил с других языков, правомочен ли он эти переводы издавать отдельным томом (или томами) под своим именем? Иногда мы чувствуем, что это выглядело бы по меньшей мере странно, иногда это кажется нам естественным и нормальным. А если так — где же граница странного с естественным и что именно превращает странное в естественное?

Стихи Лермонтова «Воздушный корабль», «Горные вершины спят во тьме ночной», «Они любили друг друга так долго и нежно» мы встречаем всегда в книгах Лермонтова и считаем стихами Лермонтова, хотя указано соответственно что это из Цедлица, из Гёте, из Гейне.

У Пушкина есть «Песни западных славян», переведенные с французского, а написал эти песни и ввел Пушкина в заблуждение Мериме. Общеизвестная литературная мифификация. Но все-таки это издается под именем Пушкина, так же как некоторые стихотворения Анакреона, Мицкевича, Шенье.

Это естественно. Но было бы странно, если бы мы взяли в руки книгу, на переплете которой стояло бы «Пушкин», а содержались бы в ней поэмы Байрона, хотя бы и в пушкинском переводе.

Странно было бы видеть: «Гнедич. Илиада. Перевод поэмы Гомера». Нет, все-таки: «Гомер. Илиада. В переводе Гнедича».

СРЕДИ КНИГ

Странно было бы видеть писателя, издающего под своим именем переведенный им роман Жюль Верна, ну хоть «Восемьдесят тысяч километров под водой», или «Домби и сын» Диккенса, однако «Песнь о Гайавате» Лонгфелло входит во все собрания сочинений Бунина.

Есть какая-то во всем этом едва уловимая грань, которая определяется, может быть, в первую очередь по признаку жанра. Прежде всего имя переводчика претендует на переведенную им поэзию, а еще точнее — на отдельные стихи. Перевед некоего поэта целиком, издаваться он будет под своим именем. Перевед выборочно несколько стихотворений того же поэта, можешь включить эти стихи и в свой сборник, со ссылкой на поэта, разумеется.

Итак, мы приходим к главному — к выбору, к отбору стихов. Поэт берет у другого поэта не все подряд, а то, что ему наиболее близко, что ему показалось даже как бы своим. Тогда, переводя, он вкладывает в перевод такую большую часть своей души, что потом стихотворение воспринимается читателями как его собственное, что мы и видим на примере Лермонтова.

В издательстве «Художественная литература» вышел том, на котором стоит имя Павла Антокольского. Пониже обозначено: «Переводы», а на титульном листе уточнено: «Два века поэзии Франции».

Никто не подумает, конечно, что в этом томе на трехстах пятидесяти страницах действительно уместилась поэзия Франции за двести лет. Для этого надо было бы издать, наверное, двести таких томов.

Следовательно, Павел Антокольский выбрал из французской поэзии то, что близко ему или было нужно ему для выражения своих собственных мыслей и чувств. В предисловии он так об этом и говорит: «Эта книга — прямое продолжение четырехтомного собрания моих сочинений. Продолжение в силу того, что работа над переводами французских поэтов давным-давно сопровождала моего собственную поэзию, была естественным (ее) продолжением...»

Итак — отбор. Отбор стихов для перевода — это тоже ведь способ самовыражения, точно так же как чтение чужих стихов на каком-нибудь вечере и в застолье. Одно дело, когда человек в застолье, в компании будет читать (ну, скажем, для большего контраста) Демьяна Бедного, а другое дело — Блока Ахматову Есенина. Это вопрос не только литературного вкуса, но и личностности, склонности к философии, патриотизма, гражданского темперамента, революционности, прямолинейности, пристрастия к тем или иным эстетическим ценностям и т. д. и т. п. Короче говоря — это вопрос личности. А где личность, там и имя. Личность объединяет стихи разных поэтов, так сказать, под одной крышей даже путем простого отбора, а тем более путем художественного (а в нашем рассматриваемом случае — высокохудожественного) перевода. Ибо известно, что Антокольский — мастер стиха с самой заглавной буквы.

Конечно, Антокольский пристрастен. За

небольшими исключениями (Бодлер, Аполлинер), в томе собрана гражданская, политическая, революционная поэзия. Подобно тому, как магнит из кучи металлических опилок притягивает к себе только железные, оставляя на листе бумаги медные, алюминиевые, серебряные и даже золотые, так и Павел Антокольский вобрал в свою орбиту, переводя поэтов Франции, все, что касалось французских революций и баррикад. Даже лексически самые разные и по существу и по времени поэты оказываются очень близкими. Это переводчик соединил их накрепко в одну боевую родственную обойму. Полистаем и взглянем:

Дрожи, тиран! И ты, предатель,
Переползавший рубежи,
Ты, подлых замыслов создатель,
Перед расплатою дрожи!
К оружию, граждане, вас батальон зовет
Вперед! (bis) Пускай земля кровию гадов
пьет.

(Из Руже де Лиля)

К оружию! На Бастилию! Отмщенье!
В бой, буржуа! Ремесленники, в бой!

Марш-марш вперед, вперед! Все будет
нашим.
Нам — набережные, Лувр, Отель де Виль.
Войдем мы к вам, подразним вас,
попляшем
Там, где сыяла в позолотах гниль.

(Из Пьера-Жана Беранже)

Лишь молодость несли они тебе
в подарок,
Крича: «Свобода! Смерть тиранам!
Победим...»

Пора вставать! Настало завтра!
Бушует полая вода.
Плевать на их картечь и ядра!
Довольно, граждане, стыда!
Встать на хозяина и челядь! Побороть их!

Что стоит расшатать ступени их чертога,
Колонны сдвинутся, и разом рухнет он.

(Из Виктора Гюго)

Поэзия Франции столь обширна, богата и разнообразна, что каждый переводчик находит в ней что-то, соответствующее своим пристрастиям, темпераменту, убеждениям, короче и проще говоря — по душе. Павлу Антокольскому ближе всего оказались мятежный дух французских революций и поэзия, их воспевшая. Вот почему его книга «Два века поэзии Франции» воспринимается не как разношерстный сборник «с миру по нитке, а как монолитное целое спаянное личностью переводчика, который сам есть наш славный поэт Павел Григорьевич Антокольский.

Что касается художественного уровня переводов, то о нем распространяться не приходится. Он (перефразируя строку из предисловия автора к этому тому) полностью соответствует тому, что Антокольский делает в собственной поэтической работе.

ВЛ. СОЛОУХИН